

Алексей Наст

ПОРАБОЩЁННЫЕ СОЛНЦЕМ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Наст

Порабощённые солнцем

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Наст А. Н.

Порабощённые солнцем / А. Н. Наст — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Огромный, сияющий мегаполис ждёт, манит самыми сладкими, запредельными наслаждениями, изощрёнными излишествами. Но есть одно дело, дело об особой жестокости... Только решив его, получишь доступ к такому желанному и запретному. Роман "Порабощённые солнцем" - это жесткие приключения, события на грани фола, насыщенный, динамичный, непредсказуемый сюжет и развязка. Детектив, триллер, экшн - гремучий коктейль, который здорово бодрит! Читайте и получайте удовольствие! Содержит нецензурную брань.

– В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии ССО.

Деревянное двухэтажное здание районного УВД было почти скрыто буйной насыщенной зеленью клёнов. Высокие тополя накрывали крышу здания своими длинными ветвями с большими, сероватыми лопухами жёстких листьев. На улице было жарко и душно – солнечное марево давило упругим обжигающим прессом, хотелось пить и тянуло в сон. На сидевших в тени деревьев ребят-студентов никто не обращал внимания. Преподаватель нервничала, ходила взад и вперед, и грызла ногти.

Из здания вышла лейтенант – высокая молодая женщина. Она посмотрела на парней, усталых и взволнованных, остановила взгляд на одном из них, позвала:

– Костин! Пошли.

Парень встал, отряхнул нечистое трико от жухлой травяной трухи (все сидели на земле), медленно подошёл к лейтенанту.

Преподаватель с тревогой посмотрела на него, но он был спокоен.

– Пойдём, пойдём, – указала на вход лейтенант.

Костин быстро вошёл.

Они прошли сквозь прохладный тёмный коридор, пахнувший старым линолеумом, свернули направо, и лейтенант открыла перед Костиным дверь тесного кабинета. Он вошёл, встал перед столом, за которым сидел человек в штатском.

– Садись, – предложил тот.

Костин покорно сел.

Они уже встречались два дня назад. Следователь Петрин в течение недели опрашивал свидетелей происшествия. Студенты работали в поле, их снимали с работы на несколько часов, а после возвращали обратно.

Это была сельскохозяйственная практика, введённая колледжем в последние годы – брат директора колледжа, он же фермер Тимофеев, развернулся, прикупил дополнительные поля, расширил посадки, вот и решили привлекать студентов на летнюю прополку и осеннюю уборку – мол, они не много подзаработают (деньги никому не лишние, особенно, молодёжи!), а городу прибыток – сравнительно дешёвые овощи поступят на рынки и в магазины... Конечно, можно было бы привлечь гастарбайтеров – таджиков или узбеков, но они выходили дороже студентов, а китайцы или корейцы, те и вовсе работали только сами – брали в аренду поля, засеивали своими семенами, и накачивали земли тоннами пестицидов, добываясь огромных урожаев. Одно время они всю орудовали на просторах области, но потом лавочку ограничились – уж очень ядовитыми выходили их дары природы, а земли после них становились непригодными уже ни для чего – отравленные насквозь. Губернатор получил по шапке, а потом его совсем выгнали на пинках: не оправдал доверие Президента! Новый пообещал зелёный свет для местных фермеров, мол, развернётесь. Вот фермер Тимофеев, младший брат директора колледжа, и развернулся... «А кто не хочет ехать на сельхозпрактику?!». «Тому отключите горячую воду?! Ха-ха-ха!!!». «Нет. Тот будет отчислен из колледжа. Только и всего!». Коротко, и ясно...

– Итак, Костин Виктор Николаевич, расскажите мне, что случилось вечером седьмого июля перед зданием сельского клуба, – следователь скрестил руки на столе и приготовился слушать.

Виктор покосился на включённый диктофон.

– Я же вам всё рассказывал, – сказал он. Вид его был усталый, а в голосе чувствовалась напряжённость.

Петрин улыбнулся, выключил диктофон. Встав из-за стола, он подошёл к окну, старому, с большими рамами с облуплённой синей краской – всё здание УВД было старым, давно не отремонтированным. Сто километров в сторону от большого города и, глубинка открывалась во

всём своём полуразрушенном великолепии... Тут денег давно не было – финансирование оседает в больших городах и крупных центрах, которые на виду, остальное прозябает в заброшенной нищете... Воруют-с, господа... Это только с экрана телевизора нана-технологии и цифровая экономика, а здесь всё тихо... Было... Вот, пошумели, теперь разбирательство...

Костин посмотрел на спину следователя, скрытую тонкой рубашкой тусклого застиранного белого цвета. Материя не могла скрыть великолепных натренированных мускулов.

«Качок», – подумал вдруг Виктор, и улыбнулся. Вспомнил мультфильмовского Илью Муромца и коротышку Соловья-разбойника: «Мужичок-чок-чок! Дурачок-чок-чок! Был умён, был храбр! А теперь ты кто? Покойничок!». Именно, не чек, а чок. Покойничок!

– Что? – оглянулся Петрин.

– Нет. Ничего. Молчу.

Петрин вздохнул:

– Знаешь, вы все говорите почти одинаково. Все вы. Складывается впечатление, будто вы, друзья-корешки, договорились между собой, какие давать мне ответы. Всё гладко, без шероховатостей и углов.

– Раз одинаково, значит, так всё и было, – сказал Виктор.

– Наверное. Но из этого не становится понятно, кто же убил Васильева!

– Местные, кто ещё! – хмыкнул с недовольством Костин, давая понять, что обсуждать одно и то же ему давно неприятно.

Прошла неделя, как началась для студентов проклятая сельхозпрактика, и началась она с ропота и конфликтов – отвратительное размещение, ужасное кормление, умопомрачительная работа на прополке лука, а ночью издевательства со стороны местных парней и дикие драки.

– Вы создали такую атмосферу, что было понятно заранее – всё кончится плохо, – жёстко сказал Виктор.

– Почему мы? – показательно удивился Петрин. – Виновата администрация хозяйства, на которое вы работаете.

– Но вас, полицию, вызывали два раза! Два! Почему ничего не предприняли? Не остановили этого?! А?!!! – Виктор непроизвольно вскрикнул, но тут же осекся, сконфузившись.

Скрипнула дверь. В кабинет заглянула лейтенант, стрельнула строгим взглядом исподлобья.

Виктор миролюбиво посмотрел на неё, а следователь молча улыбнулся. Дверь закрылась.

– Ну, во-первых, это я проверю. Для этого я сюда и приехал, чтобы всё проверить, всё расследовать, выяснить истину, – сказал Петрин, снова садясь за стол. – А, во-вторых, я, также, как и ты, не здешний, так что в мою сторону громы и молнии не надо пускать. А про то – разберёмся...

Он протянул руку к диктофону, включил его.

– Давай по-другому. Я буду задавать тебе вопросы, а ты отвечай на них подробно. Итак, первый вопрос: почему ты поехал на эту сельхозпрактику?

– Это имеет отношение к делу? – хмыкнул Виктор нагло.

Петрин был вежлив и мягок.

– Не хамите, парниша. Отвечай подробно.

– Нас не спрашивали о желании. Объявили, что ехать обязательно, и всё! Хочешь учиться – езжай на работу в поле! Некоторые умудрились остаться в городе, но, как я слышал, это можно было только по справке о болезни. А у меня такой справки нет! Я здоровый юноша.

– Хе-хе. Юноша... А почему решил ехать отрабатывать именно в июле? Самая жара. Отдыхал бы в городе – купался, загорал...

– Вон как я загорел в поле. Даже обгорел... – Виктор хмыкнул, пожал плечом. – В этом месяце у меня родители в отпуск приезжают с Севера. Я у бабки живу. Так что, они могут меня отпросить из-за своего приезда, мол, семейные обстоятельства!

– О, всё было просчитано заранее. Хитрый ход, – улыбнулся Петрин.

– Да, – согласился Виктор. – Если бы я желал гнуть спину на полях, я бы поступил в аграрных колледж. Меня эта романтика не интересует. А тут неприятный сюрприз с практикой. Вот и скомбинировал – отработаю дней десять, родители приедут и отпросят.

– Больше отработаешь, больше денег начислят, – «поддел» Петрин.

– Мне отец денег даст, просто так, за то, что сын, и давно не виделись. Вообще, считаю, эту практику не законной. Вы бы тоже с этим разобрались!

– Ха-ха... Нет, это не моя компетенция... Ты расскажи всё с момента приезда сюда, ну, туда, в хозяйство...

Виктор задумался.

– С момента приезда... У колледжа собрались с вещами, подогнали автобус, мы сели в этот автобус, три часа протряслись, приехали в этот населённый пункт... Туда приехали. В посёлок. В домике разместились. Старая школа бывшая, закрытая из-за малочисленности населения. Два больших зала, бывших класса. Ни кроватей, никакой мебели вообще – на пол покидали нам матрасы старые, грязные, не знаю из под кого, может, из больницы какой закрытой тоже. Туберкулёзной.

Петрин молча посмеивался, качая головой, а Виктор продолжал сердито:

– Кормили мерзко. В столовой этой школы – вход с другой стороны здания. Туда приезжали на машине две толстые женщины в нечистых «белых» халатах с флягой чая и сумками нарезанного хлеба и масла. Это такие завтраки и ужины – бутерброд со старым хлебом и подпорченным маслом и тёплый жидкий чай. Мы сразу стали возмущаться таким кормлением!... А на полевом стане кормили и кормят хорошо! Ничего не скажу – порции большие. Оно и понятно – нас из одного котла с работягами кормят там, с механизаторами. Те плохого пайка не потерпят! На поле стали полоть лук, вон, все руки в пузырях. Трава огромная. И никаких перчаток тебе – всё ручками, ручками!... А спать нам не давали местные уроды... В итоге, к седьмому числу наступил предел нашему терпению...

– А в результате убийство, – заключил следователь.

– Среди местных ищите, они это, – уверенно заявил Виктор.

– Понятно, – Петрин внимательно посмотрел на Костина, спросил, как бы подводя итог беседе. – Значит, сегодня ты ничего нового не расскажешь.

– Я тогда всё рассказал.

– Ладно, – Петрин выключил диктофон. – Иди. Позови Усидского.

Виктор кивнул, немного торопливо поднялся со стула, стремительно вышел из кабинета в коридор, словно опаздывая куда-то, но здесь остановился. Чёртовы допросы! Вроде, ничего плохого не происходит, а очень неприятные ощущения... Пошёл медленно по тёмному коридору к выходу с открытыми дверями, откуда давило уличным зноем... «А руки мои в кандалах!»...

Отправив Усидского, он занял своё прежнее место, и задумался.

– Что там? – наклонился к нему его приятель Володя Левин.

– Всё по старому, – выдавил Виктор, и уткнулся лицом в сложенные на коленях руки... Можно было пошутить, мол, принуждают взять вину на себя за все преступления, скопившиеся в данном районном отделе, но жара не способствовала общению. И, вообще, просто хотелось домой. Как он не подсутился со справкой! Можно было что-нибудь придумать – внезапную простуду там... Придумал: десять дней отработаю, и родители приедут и заберут. А ты эти десять дней ещё проживи! Декада – тот ещё срок!

Володя стал раскачиваться – он нервничал.

У всех студентов психика была на грани срыва от негодования и возмущения. Привезли, словно рабочую скотину: «Арбайтен!». Сука этот директор колледжа, а его младший брат-фермер, ещё большая сука – жадная мразь! Луковый король! Чиполлино чертов! Чтоб ты плакал всегда от лука своего! Урод!

Виктор, глядя в землю, вдруг ощутил дрожь в спине... Он в тот вечер явственно видел ствол винтовки, направленный ему в лицо!...

Усидский, вопреки своей фамилии, был страшно неусидчивым, но в этот раз он боялся шелохнуться, и стыдливо чувствовал, что подмышками у него стекают выступающие капли пота.

– Так почему в ту ночь вы решили выйти драться? – спросил Петрин.

– Они обнаглели. Драка могла произойти и раньше, просто нас сдерживала Калина Михайловна. А в тот вечер не смогла. Да что вы, не знаете – это везде так. Во всяком случае, в нашем регионе – днём студенты работают, а ночью дерутся.

– Кто убил Васильева?

– Местные. Они кашу заварили.

– Усидский, вы все поёте одну песню, – вздохнул Петрин. – Вы говорите, что местные во всём виноватее, а местные вас во всём винят. Ты считаешь это убийство непреднамеренным?

– Конечно. В той драке, вообще, могло быть много жертв. Драться шли с кусками железных труб, прутами, ножи были.

– Винтовка и два взрывпакета, – добавил Петрин. – Ты, лично, с чем шёл драться?

– Ни с чем.

Петрин усмехнулся. В «признательных показаниях» все выставляли виновными других, а сами были ангелами с крыльями.

Петрин заговорщицки понизил голос и чуть нагнулся вперёд, к Усидскому:

– Ну, а другие?

– Я точно не помню. У местных были жерди, взрывпакеты и винтовка.

– Я знаю. А что было у твоих приятелей?

– У кого что, я точно не помню. Ну, палки были, бутылки. У Костина был железный крюк.

Петрин оживился:

– Как у пирата из «Питера Пена»? И что, он его приладил себе на руку? Капитан Крюк к вашим услугам?!

Усидский усмехнулся.

Петрин построжал:

– А почему ты запомнил, что было именно у Костина?

– Он спит со мной рядом. Он ещё до драки облюбовал его, и хранил у себя под подушкой.

– Заранее приготовился. Так он стремился в драку?

Усидский заёрзал на стуле.

– Никуда он не стремился. Но он не трусил. Всегда был готов, но вперёд не лез.

– А ты?

– Я тоже.

– Кто же лез? – как бы удивился следователь.

– Местные.

– Ладно. Ну, а из-за чего они вам не давали покоя? Из-за девушек?

– Нет. Просто так. Наверное, им здесь скучно живётся. Одичали совсем в своей дыре никому не нужные. А мы студенты из города, значит, плохие. Но и девчонки сыграли не последнюю роль...

– Чем именно?

– Не могу сказать, – пожал плечами Усидский задумчиво. – Не знаю. Как дикари от их вида бесились. Мозг у них выносит. У местных. О-о, девушка!!! Видно, у них здесь с этим добром катастрофическая нехватка.

Петрин улыбнулся, согласился:

– Может быть... Это правда, что у вас были плохие условия отдыха? Ну, не про конфликты с местными ребятами, а, имею ввиду, бытовые условия...

– Отдыха не было вообще. Кормили, чем попало. Работать заставляли, как на каторге! Рабы на плантации!

– То есть, как это заставляли?!

– Была норма. Но её постоянно повышали – жадность и скотство фермера беспредельны! Всё ему денег мало! Люди в поле для него – рабочий скот! Рабы! Не зря негры мотыгами забивали плантаторов в давние времена.

Петрин усмехнулся:

– В сериалах видел?

Усидский бросил с вызовом:

– Читал. «Хижина дяди Тома»! Устраивает?

– Я следователь, значит, у меня высшее образование, соответственно, я знаком с этим произведением, – улыбнулся Петрин. Ему нравилось, что Усидский начал нервничать – возбужденное состояние подследственного или свидетеля – гарантия дополнительной информации.

– А сериалы про негров с плантаций я смотрел в глубоком детстве – мать и бабушка очень увлекались...

– Если бы убили фермера, мне было бы понятно, из-за чего... – снова улыбнулся Петрин. – Так что с нормой выработки?

– Сначала нам определили двести метров прополки на брата. И это была приемлемая норма. Всё-таки, мы мобилизованные студенты. Нам не привычно часами дёргать высоченную траву голыми руками на солнцепёке! Но потом, чем невыносимее становилось наше житьё, тем большим назначалось дневное задание. Довели до пятисот метров. Вы представляете? Улыбаетесь. Не представляете. Полкилометра продёргать, при высоте травы в восемьдесят сантиметров! А лук – еле видные волоски.

Петрин встал, прошёлся по кабинету, отгоняя усталость.

– Ребята из райцентра к вам часто заходили? – спросил он.

– Нет. Были дважды.

– А на третий раз вы вмешались в междоусобную драку на их стороне. Почему?

– Я говорил вам. Эти парни веселы и добродушны. Мы с ними искренне подружились, а местные приносили нам одни неприятности. Неудобства.

– Сколько раз вы могли начать непосредственно драку только с местными?

– Не менее трёх раз. Они всегда вели себя вызывающе. По-свински.

– Ладно, иди, – отпустил Усидского следователь. – Позови следующего...

Автобус, прыгая по ухабам, ехал в поле. Усидский молчал. Виктор смотрел в окно. Калина Михайловна пыталась читать книгу.

Глядя на выжженные солнцем степные пейзажи, Виктор вспоминал, как они ехали в фермерское хозяйство, навстречу сельским приключениям, как им обозначил это событие сам директор колледжа на линейке перед отправкой: «Вас ждёт сельское приключение и хорошие деньги в финале!». Все закричали: «О! А! У!». выражая неописуемую радость. В тесном салоне «ЛиАЗа» всем мест не хватило, сидели на сумках в проходе. Плевался хриплой музыкой переносной музыкальный центр, девчонки то смеялись, то визжали, а он – Виктор, сидел рядом с ним, с Маратом Васильевым, которого больше нет.

Засели в мозгу слова Марата насчёт приключений:

– Сельские приключения! Ты веришь обещаниям директора?! А я чувствую – приключений будет тьма. Вот увидишь!

Виктор тогда просто хмыкнул – приключений он не хотел и не любил их. Таков склад его характера. Даже мать, не раз бросала в сердцах: «Как старый дед!». Спокойствие, только спокойствие! Кто так говорил? Карлсон, маленький мужик с пропеллером на спине. Напакостит, тварь, и твердит: «Спокойствие, только спокойствие», а после подло линяет. «Малыш, я твой лучший друг!». Бах-барабах: нагадил, и ходу! Точнее – лёту, а Малышу ремня от папашиншведа! Сука летучая. Надоедливая. Как муха... Летит, гудит, насрал... Варенье любит... Астрид Линдгрен не придумала этого выродка – такова уroda не придумаешь из головы, точно у неё был такой знакомый (без пропеллера, конечно), который обещал и гадил... Как в песне Виктора Третьякова «Тюбик зубной пасты»: «Скажите, девки, ну разве можно, любить и гадить одновременно?!». Святая простота! Конечно, можно! И вот Линдгрен столкнулась с таким товарищем, который совсем не товарищ. «Я куплю тебе сто тысяч люстр!». Ага. Жди! Он обязательно вернётся! Когда ты будешь кошкой – в следующей жизни!..

Виктор улыбнулся, став думать о Карлсоне. Это анекдот: Карлсон нашел себе замужнюю женщину для плотских утех. Предупредил её: «Прихода мужа не бойся! Как только начнут стучат в дверь – швыряй меня в окно! У меня моторчик – я спокойно улечу!»... Вот, сука, и здесь – напакостит, и улетаёт вальжно! Здорово пристроился мужичок!... Ладно, занялись сексом, стук, женщина вышвырнула Карлсона в окно (десятый этаж), открывает входную дверь. Разъярённый муж врывается в спальню (Они чувствуют, рога носцы! Они чувствуют!), орёт истерично:

– Кто был у тебя?!?!

– Никого.

– А чьи это штанишки с пропеллером?!..

Потому про Карлсона не слышно уже давно – улётел навсегда!

Виктор улыбнулся.

– Что лыбишься? – спросил Усидский.

– Так. Вспомнил.

– О чём?

– Как мы ехали.

– Да. Ты с Мариком сидел. А Светка паялилась. Всё время зыркала. На кого? На тебя или на Марата?

Виктор потемнел. Он тоже тогда обратил внимание на её взгляды, и эти взгляды были сквозь него – она смотрела на Марата Васильева!

– Это ты виноват! – вдруг сказал Виктор Усидскому.

Тот обалдело округлил глаза:

– В чём?!

Виктор перехватил изучающий взгляд Калины Михайловны, перешёл на шепот:

– Это вы меня с Юлием уговорили ехать сюда. Все вместе, своей компанией! Подработаем! Теперь ни лета, ни города!

Усидский потупился.

Действительно, существовал такой вариант, чтобы Виктору остаться в городе на июль, ведь приезжали родители, а отработать осенью, на сборе урожая, но Усидский произнёс две фразы, решившие дело в пользу июля:

– Ты легко слиняешь, если не понравится – родители отпросят, мол, давно не виделись, приехали ненадолго! И Наташа будет в июле.

Да, никто не мог предположить того, что случилось!

Виктор чуть толкнул плечом грустного Усидского.

Тот улыбнулся, молча кивнул, мол, проехали...

В салоне было пыльно, муторно от тряски. Калина Михайловна, отложив книгу, смотрела в окно. В стёкла бились обезумевшие слепни и мухи.

Виктор сжал рукой лицо, выдавил тихо:

– Почему? Почему?

– Что почему? – наклонился к нему Усидский.

– Мне Марика жаль, – посмотрел на него Виктор.

Усидский улыбнулся резиновой улыбкой:

– Не переигрывай.

– Реально, жалко.

– Да вы почти не общались. Кто он тебе?...

Виктор отвернулся к окну...

Автобус затормозил на полевом стане. Было время обеда, и все студенты уже пришли с поля.

Виктор взял на раздаче алюминиевую миску раскалённого, густо-красного борща и сел за общий стол под деревянным навесом.

– О чём допытывались? – пододвинулся ближе Юлий.

Усидский тоже сел рядом.

– Всё о том же, – он поднёс ложку ко рту, подул осторожно. – Горячий какой! В такой зной холодной окрошечки бы! А, господа, окрошечки не желаете? Или ботвиньи со льдом!

– Уймись. Без тебя тошно! – осадил Виктор. У Юлия спросил. – А что так интересуешься? Переживаешь?

– Ничего я не переживаю. Любопыствую, – отозвался Юлий. – Скучно здесь. А это, всё-таки, развлечение. Убийство, расследование.

Он посмотрел на Усидского:

– Что вы думаете об этом деле, Ватсон?

Тот усмехнулся:

– Запутанная история!

– Как это верно!

Усидский сказал, глядя в лицо Виктору:

– Витька, я сказал, что ты драться шёл с железкой в руке.

После он посмотрел на Юлия. Тот доброжелательно ощерился, всхотнув:

– Сдал, сука!

– Я это сделал не ради справедливости, но ради правды! – сказал Усидский.

Юлий понял:

– Шуру Балаганова цитируешь из «Золотого телёнка».

Такие пикировки напрягали Виктора своей тупостью. Он отозвался, с показным безразличием:

– Сказал и сказал. Это все видели. Я не прятал железку.

Вдруг он почувствовал на себе пристальный взгляд. Он поднял глаза, и увидел Светлану. Она сразу потупилась.

У Виктора пропал аппетит.

– Пойду вздремну, – сказал он приятелям.

– Чё не доел? А второе? – крикнул вдогонку Усидский.

– Жарко, – отмахнулся Виктор. Они все ему остачертели.

Он пересёк небольшое футбольное поле, сел на корягу, задумался.

В день приезда он был неприятно поражён, когда их провезли мимо райцентра, где изначально обещали поселить, а выгрузили в маленьком поселении, в двенадцати километрах к

западу. Домов было мало – около тридцати, даже не домов, а каких-то мазанок, слеplенных непонятно из чего, и всё они были серые от времени и ветхие. Кирпичное здание магазина было закрыто на большой ржавый навесной замок. Почты не было, отдела полиции не было, представителей власти тоже не было. Странное сборище домиков, выстроенных как бы само-строem, просто так... Но стоял огромный, из серого кирпича, одноэтажный клуб – наследие канувшего социализма. И рядом, в кустах сухой, прошлогодней полыни, гипсовый обелиск погибшим на войне солдатам с отбитыми краями.

Единственной властью в этом забытом богом уголке был завклубом – молодой парень.

Уже с самого начала они обнаружили к себе недоброе расположение со стороны местных жителей. Но перед этим был ошеломляющий митинг в кинозале, с морем обещаний и громких слов. Специально для этого из райцентра приехал кто-то из начальства. Обещали кино, танцы, отличное питание. Но, несмотря на то, что хозяйство было более чем успешным, да с поддержкой местной власти, парням пришлось спать на полу. Для девушек всё же нашлись старые, полуржавые, железные разборные кровати с панцирной сеткой. Разместились в двух классах соседней с клубом заброшенной школы.

В день приезда многие пошли в клуб. Пошёл и Виктор.

Он играл с Усидским в бильярд, когда за окном раздался рокот мотоциклов и прибыла местная «аристократия» – несколько наглых парней, считавших себя здесь самыми главными. Отношения с самого начала сложились натянутые. Парни заявили, что играть в бильярд их прерогатива, а студенты шли бы в отведённое для них помещение... Мог вспыхнуть конфликт, но начинать с этого не хотелось – студенты покинули клуб, провожаемыми хищными, огненными взглядами...

На следующее утро студентов кормили «полевым завтраком» – тётеньки привезли плохо заваренный чай (видимо использовали самый дешевейший сорт), причём привезли уже готовый – на месте не было оборудования, чтобы вскипятить воду, нарежали на порционные пластики вчерашний, начавший черстветь, хлеб (ночью пекари здесь, в глубинке, работать ленились, чтобы уже с утра у жителей был свежий хлеб!), соорудили «бутерброды» – из большой жестяной банки намазали каждый кусок толстым слоем яблочного повидла. Приятного аппетита, дети! Девчонки зароптали: «Как есть эту гадость?!», многие отказались так завтракать. Виктор съел спокойно свой кусок и запил чаем. Боже, он ещё и полусладкий! Этот манёвр совсем был непонятен – зачем в чай класть сахар, если повидло сладкое? Может быть, должно было быть в рационе сливочное масло для бутербродов, тогда понятно, что чай делают сладким. А тут, видимо, масло украли, заменив непонятно откуда добытым дешёвым повидлом, неизвестно какого года выпуска (это летом, когда свежие фрукты проще добыть!), и сахар тоже украли, но частично, бросив в чай из расчёта половину чайной ложки на стакан... Воры! Воры! Подлые воры! Причем это уже воровал не сам фермер, а его работники, которые воровали, чтобы покрыть то воровство, которое практиковал их босс – он обирал их, не доплачивая и задерживая выплаты, а эти крали, где только могли, в данном случае открылся шанс погреть руки на кормёжке студентов. Тётеньки, разливавшие половником чай в стаканы из бачка, с улыбкой покачивали головами, поглядывая друг на друга: хорошо сегодня получилось, по килограмму сахара прикарманили и по куску сливочного масла!... Ешьте, детки, вам работать!... Ворьё... А потом удивляются: что-то государство нас обворовывает: пенсии маленькие, срок выхода на пенсию всё увеличивают и увеличивают! Да вы сами воры! Вы, ворьё, и питаете это государственное воровство, начиная с самого низа: обокрал студентов, тебя обокрал фермер, фермера кинет государство на кабальных кредитах на топливо и дешёвых госзакупках продукции! Дед как-то рассказывал Виктору, что его приятель Венка (Вениамин) взялся «калымить» у соседей с первого этажа – Курковых. Муж – работал в пожарной охране, а жена – в детском саду. И Венку, и ещё двоих его подручных, что взялись делать ремонт им в квартире, жена обязалась кормить обедами. Венка попытался отказаться: «Зачем лишние вам рас-

ходы на продукты да ещё время тратить для нас готовить?!», но жена Куркова его успокоила: «Никаких расходов, никакой готовки. Я вас кормить буду из детсада, где работаю. Детям и так порции огромные, они не съедают». Венке сначала было неловко и совестно «объедать» детей, но, попробовав, он понял, почему ребяшня ест плохо – качество пищи было отвратительным: безвкусные котлеты и тефтели, непонятно из чего сформованные, только не из мяса, не проваренный рис, слипшиеся макароны! Это поставщик пищи в детсад, что выиграл конкурс в муниципалитете, обещав как можно меньше тратить бюджетных средств, индивидуальный предприниматель, закупал самые гадкие, просроченные продукты, а его повара, работающие за копейки (гастарбайтеры без санкнижек) из этой сырой дряни готовили не съедобную дрянь, потому что и готовить то нормально не умели, ведь профессиональные повара не будут трудиться в таких сомнительных гадюшниках!...

В общем, позавтракали. В девять повезли в поле, работать начали только в десять. А в первый свой обеденный перерыв на полевом стане они обыграли в футбол команду школы из райцентра – этих тоже нанял фермер полоть свои бескрайние луковые «грядки»...

Сейчас Виктор смотрел на футбольное поле, вытоптанное, без травы, и было тяжело на душе. Усидский прав – Марик тебе никто, так что нечего показательно грустить и хмуриться, будь собой, будь естественным. А он и ведёт себя естественно – впечатления очень свежи, и он не привык к смертям, чтобы совсем не реагировать на безвременный уход молодого человека!

Подошёл Усидский.

– Обрати внимание на Светлану, – сказал он, подсаживаясь рядом.

– Зачем? – не поднимая головы, спросил Виктор.

– Бледная она какая-то.

– На солнце перегрелась.

– Может, и так...

– Что ты всё время что-то замечаешь, что-то примечаешь? – озлился Виктор.

– Взгляд у меня такой – всё вижу...

– Ха-ха. Всё, что было не со мной – помню... Как Лев Лещенко пел...

– Кобзон. Кобзон эту песню пел.

– А Лещенко не пел?

– Может пел, может, не пел... Короче, программа была, и там Лещенко рассказал случай. Его срочно вызвали на какой-то важный концерт, там, где всё начальство... А он песню плохо выучил – не успел. Вышел на сцену. Все кремлёвские в первых рядах. Оркестр начал играть, а он слова забыл. Не помнит, и всё! Оглядывается на всех беспомощно. Не помнит! Оркестр сыграл вступление – он молчит. Сыграл второй раз – молчит. Тут из-за кулис выглянул конферансье, прошептал зло:

– Пой, сука!

И он всё вспомнил, и спел...

Виктор посмеялся, толкнул Усидского плечом:

– Дурень ты... Помнишь, как здесь школяров переиграли? – кивнул на поле.

– Помню.

– А что было после, помнишь? Вечером.

– Тоже помню. Были танцы, и кто-то из наших заработал по морде.

– Морде... – Виктор хохотнул. – В рыло, может быть? Это по радио передавали: Марина Георгиевна, вы написали нам, что ваша соседка вас оскорбила, назвав вас «свинячья морда», сообщаем вам, что она не права – во-первых, у свиньи не морда, а рыло, а во-вторых, не свинячья, а свиное. Свиное рыло, вот как она должна была на вас сказать...

– Ха-ха. Точно... Но Катывов у нас свинину не ест, значит, у него морда.

– Физиономия у него. С него местная братва решила снять модный ремень, вызвали из клуба на улицу, стали грубо распоясывать, он отмахнулся, но ему и вставили несколько раз в лицо, нос раскровили как следует.

– Мы все хотели тогда драться с местными. Схлестнуться сразу, чтобы поставить все точки над и.

– Если бы Калина Михайловна нас не отговорила, ничего бы плохого после не случилось бы... Своим молчанием, покорным терпением, мы развязали им руки, дали сесть себе на шею. Агрессору надо бить по рукам сразу, а после получается очень...

– Получается то, что получается...

Петрин убрал со стола бумаги, вытащил из сумки купленные в буфете бутерброды.

В кабинет вошла лейтенант – она была помощником следователя. Лейтенант поставила кипятиться чай в маленькой кастрюльке, всунув в воду мизерный кипятильник.

– Варенька, почему вы не ходите в столовую? Мне простительно, я старый холостяк, бутерброды – моя привычная пища. Мой организм взбунтуется, если я попытаюсь впихнуть в него первое, второе и компот. Ну, а вы... – Петрин с улыбкой пожал плечами, мол, он удивлён и даже потрясён.

Лейтенант в ответ тоже улыбнулась:

– Я не доверяю столовым, Николай!

– Значит, будем есть бутерброды.

– Будем.

Варвара принесла в кабинет серую папку, села с другой стороны стола, развязала тесёмки на папке, начала быстро перебирать бумаги.

– Что же мы имеем на данный момент? – изобразил внимание Петрин, кося взгляд на кастрюльку с водой – она даже не зашипела – напряжение в сети очень и очень плохое. Провинция, провинция. Всё тут плохо и убого.

– Варенька, когда сюда доберутся нано-технологии? – спросил шутливо Петрин. Он любил побалагурить со своим помощником, но не воспринимал её, как возможный объект ухода, потому в их группе отношения были лёгкими, дружескими, но сугубо деловыми, что и должно быть на работе!

– Сюда? – Варвара указала взглядом на бумаги.

– Нет. Сюда! – Петрин раскинул руки, показывая на окружающий кабинет, на кастрюльку с водой. – Сюда!

Варвара усмехнулась.

– Сказать правду или оставить вам долю оптимизма?

– Правду.

– Никогда.

– Ха-ха. Жёстко, и совсем не оптимистично. О, вода зашипела, скоро, минут через пятнадцать, чай будем пить! А Москве нано-технологии!

– Да... Ну, лет через двадцать привезёте сюда с собой лазерную указку, секундная вспышка, и стакан кипятка у вас на столе.

– Да, как в рекламе. Может лазер вскипятить воду? Может!

– Это реклама автомобиля Фольксваген.

– Вы смотрите авторекламу?

– Про Фольксваген – смотрю.

– Да, да, у вас же «Шкода». А слышали, что США наложили на концерн штраф за превышение нормы вредных выхлопов – десять миллиардов долларов!

– Это грустно.

– И вы всё равно, не взирая на то, что ваша машина портит воздух на два процента сильнее, чем автомобили других марок, не избавитесь от неё? Так и будете на ней ездить?

Варвара рассмеялась.

– Буду... Вы мне мешаете...

Варвара разбиралась с местными ребятами, в то время, как Петрин работал со студентами.

– Инциденты между местными ребятами и студентами были, они этого не отрицают, – сказала Варвара.

– Ну, положим, твои головорезы давно не ребята, – усмехнулся Петрин. Он Варваре говорил то «вы», то «ты». Она также вела себя с ним – и «ты», и «вы» – так у них сложилось, и они не видели в этом ничего необычного. – Трое из них отслужили в армии.

– И что? Служат сейчас год. В восемнадцать ушел, в девятнадцать уже дома! Как был пацаном, так и остался. Никому он не нужен нигде – он ребёнок. На работу его не берут, ничего он не умеет, жизни он не знает.

– А из автомата стрелять в армии можно!

– Это совсем другая статья. Вот посмотришь, ещё спиртное запретят продавать с восемнадцати лет, а передвинут на двадцать один год – как в США.

– У нас другой менталитет. Нечего на американцев ровняться.

– Ровняться нечего, но пить будут меньше.

– Наивная ты.

– Может быть, – согласилась Варвара. – Так, мои злодеи в начале драки обвиняют исключительно парней из райцентра и вступившихся за них студентов. Если бы в посёлок не пришли парни из райцентра, ничего бы не было. Однако, они пришли и, как утверждают мои подопечные, которые давно не ребята, пришли и сами дали повод к началу стычки.

– Это интересно, но нет в этом главного, – Петрин достал из стола свою папочку, раскрыл её. – Нет неоспоримых фактов, указывающих на начало драки студентами. И, конечно, перво-наперво, нам надо выявить, кто же убил несчастного парня. Приезжал его отец, на него было страшно смотреть.

– Пока получается, что убил кто-то из местных, – сказала Варвара. – Удар был нанесён в височную область железным предметом: железным стержнем, толстой арматуриной – в ране обнаружены частички ржавчины. Предмет был металлическим и грязным.

– У троих студентов в руках были подобные орудия. И ещё сегодня дополнение – Костин шёл драться с крюком. Он мог нанести удар выпуклой его частью. Нашли на месте происшествия такой крюк?

– Нет, крюка не было. Да и зачем ему бить своего приятеля?

– Мог нанести удар случайно, в пылу атаки, так сказать... Махался, и домахался... Что экспертиза?

– Ещё не пришло обоснование... Поздравляю нас – закипела! – Варвара отложила свою папку, встала, вытащила из кастрюльки кипятильник. Удивилась, глядя на него. – Какой крепкий! Уже больше года служит. Наш, российский. А помнишь китайские, месяца не выдерживали. У нас их куча валялась в кабинете...

– Зато они дешёвые были, по пятьдесят рублей.

– Именно – были! Пятьдесят рублей! Вспомнил! Что на них сейчас можно купить? Кофе у нас рядом с управлением стоит сто двадцать в кофейне.

– Стакан чаю.

– При СССР чай стоил три копейки стакан.

– Ты откуда знаешь?

– Читала! Родители рассказывали!

– Но сейчас же не СССР, Варвара! Потому чай пятьдесят рублей. Пока что... Наливай!

- Наливают спиртное.
- Тогда, разливай!
- Разливают на стол!
- Не умничайте, товарищ лейтенант!

Варвара, смешливо фыркнув, разлила кипяток по стаканам, бросила в каждый по пакетик зелёного чая. Сели обедать.

– Я раньше пил чёрный, но стали почки болеть, пришлось перейти на зелёный, – сказал Петрин. Он всегда оправдывался перед Варварой за употребление зелёного чая – он считал его «женским» напитком. Лёгенький такой светлый травяной чаёк – мужчины должны пить крепкий, чёрный, густо заваренный!

– Ты пил не один чёрный, потому и пьёшь теперь только зелёный, – подколола Варвара.

– Ох-ох-ох! Сейчас с тобой снова попробуем восстановить всю картину происшествия с самого начала, – откусывая бутерброд, сказал Петрин.

– Может, просто почавкаем молча? – предложила Варвара.

– Чавкай, я тебе не препятствую! Я буду говорить, а ты – слушай.

– С полным ртом говорить?

– Да! Не обсуждай начальство!

– А то что, премии лишишь?

– А намечается премия?

– Найдём убийцу за три дня, будет премия!

– Тогда замётано – любого обвиним, и выйдем признательные показания. О, наш кипятничек пригодится для пыток!

– Ну, ну. Так и будет. Кто у нас в претендентах на роль убийцы? – Варвара тоже стала жевать откушенный от бутерброда кусок, запив чаем. – У! Ничего себе бутербродики. В здешнем буфете покушал?

– Да. Посоветовали именно бутерброды. А котлеты брать отсоветовали.

– Честная буфетчица? Глаз на тебя положила?

– Петров посоветовал, дежурный. А ты сразу ревновать – буфетчица!

– Да, я ревнивая. За начальством присмотр нужен! А то скомпрометируешь себя в провинции...

– Ха-ха... Хотелось бы... А в претендентах у нас на роль убийцы-злодея те, кто дрался с железными предметами в руках. Из местных – это Шаев, Устиев и Куиев... О, ха-ха, как Бобчинский-Допчинский в «Ревизоре»! Смешные фамилии. Устиев-Куиев. Братва. Вот, прекрасная организованная преступная группировка. Братья Устиевы-Кустиевы.

Варвара рассмеялась, несколько крошек выпало изо рта на стол, она смущенно их смахнула.

– Они не братья!

– Какая разница? Признаются, что братья!... Это местные поселковые... Из райцентра пришло тогда семеро ребят, а Волгин, да, он... его видели со стержнем... У студентов выделяются Капытов (фамилия через «а» у него) и Усидский. Этот тип, Усидский...

Варвара улыбаясь и жуя, закивала головой, соглашаясь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.